Илья Муромец и Сокольник (3)

Жили, хранили Киев-град двенадцать богатырей. Из них, конечно, старший-то был Илья Муромец.
Как они столицу хранили, было ли, нет ли, кто его знат. Подъезжал один богатырь и стрелки постреливал
к воздуху, и не давал падать на землю, подхватывал. Вызывал их поратиться, а богатыри в шатре были.
Потом они стали беседовать: «Кого нам послать за богатырем етим?» Стали выбирать, кто бы мог
поехать: «Послать бы Мишку Торопанюшку: он роду торопливого, незавидь где потеряет свою буйну
голову. Того нужно отставить». Потом послать хотели Алешу Поповича: «Алеша Попович роду сонливого,
тоже оставить». «Послать, — говорят, — Добрынюшку Никитича. Добрынюшка Никитич роду вежливого,
сумеет с богатырем съехаться, сумеет честь воздать».

Поехал Добрынюшка Никитич в чистое поле, наезжает на Сокольника. Это Сокольник наезжал.
И закричал он сваим громким голосом: «Если русский богатырь, отворот давай, а если не русский,
то напу́ст держи». А Сокольник не оглянется. До трех раз-то повторял Добрынюшка. Потом поворот дает
Сокольник. Подъезжает к Добрынюшке Никитичу, берет коня его за повод и поворачиват в обратну
сторону. «Поезжай, говорит, обратно. С тобой мне делать нечего. Скажи старо́му казаку Илье Муромцу
низкий поклон. Никем г<овно>м заменяется, ему старику не поправиться». [Коня-то тяпнул по тяпышу,
добавил по олабышу. От евовного тяпанья лошадь присела.]

Поехал Добрынюшка Никитич ко белу шатру обратно. Подъезжает ко белу шатру обратно, остальные
смотрят. Конь бежит не по-старому, а Добрыня сидит не по-прежнему. Подъезжает Добрынюшка
и сказывает старо́му казаку низкой поклон. «Никем ты г<овно>м

заменяешься, ему, старику, не поправиться».

А мне, старичку, да за беду стало,
За беду ли стало, да за великую,
За великую досаду показалосе,
За великую досаду показалосе.
Могучие плеча росходилисе,
А могучие плеча росходилисе,
Кровь горячая да роскипеласи,
Кровь горячая да роскипеласи,
Очи ясные да возмутилисе:
«Уздайте, седлайте коня, да ко́ня добренького,
Уздайте, седлайте коня, да ко́ня добренького!»
Уздали, седлали коня да со семи цепей.
Уздали, седлали коня да со семи цепей.

Он тогда вот и сказал: «Не удастся, гыт, вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову».

Не видно было старого: на коня скочил,
Да только винно было: в струмина ступил,
А не винно было поездки молодецкией,
Только видно было: в чистом поле курева стоит,
Только винно было: в чистом поле курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом вали́т,
У коня-то из роту да пламя мечится,
У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
У коня-то хвост да он столбом стоит.
Нагонил старой да на Сокольничка,
Нагонил старой да на Сокольника,
Закричал он своим да громким голосом,
Закричал он своим да громким голосом:
«Если русский богатырь, оворот давай,
Если русский богатырь, оворот давай,
А не русский богатырь, ты напуст держи!»
А на это Сокольник не оглянится,
[А] на это Сокольник не оглянится,
А стал старо́й да всё ругатися,
Стал старо́й да всё ругатися,
Стал ругатися да всё бранитися:

«Ворона ты летишь пустопёрая,
Ворона ты летаишь пустоперая,
Сорока ты летаишь загуменная,
А нас, добрых молодцо́в, да ты ничем зовешь.
А нас, добрых молодцо́в, да ты ничем зовешь!»
(*Потом я уж немножко, извините, неловко.*)
Бились-дрались да целы суточки,
Они бились-дрались да целны суточки,
А не ранились да не кровавились,
А не ранились да не кровавились,
А копейча по насадкам извихнулися,
А копейча по насадкам извихнулися.

Они тогда слезли со добрых коней, стали бороться. Как ни боролись, старо́го казака лева нога
подвернулась, упал. Похвально слово его попутало: чем похвалишься, тем и подавишься. Наскочил тогда
Сокольник на белы груди и махнул его булатом в грудь. Он вроде как крест носил, то ле в броню попало, —
не мог пробить его.

Вдвое-втрое силы прибыло у Ильи Муромца, он смахнул богатыря и скочил ему на белы груди.
И тоже махнул он булатом, но рука в локте остоялась, он не мог его убить. Стал его спрашивать: «Откуда
ты явился, какого ты роду-племени, что не слышно было раньше про тебя?» А он с достью богатырской
говорит: «Я, когда сидел на белой груди, не спрашивал роду-племени. Уж ты победил, не расспрашивай».
Но он опять спрашиват. Вынужден сказать: «Сокольник. Мать была богатырица-паляница, а отца, говорит,
не знаю, какой был отец». Потом, конешно, Илья Муромец сознался ему отцом. Сокольнику было
тринадцать лет, но чувствовал таку силу, что не мог сидеть, поехал поратиться.

Илья Муромец спустил Сокольника, но Сокольнику показалось неловко, что он оказался в<ыблядо>к.
Он поехал и мать убил. (*Так ли оно было, Бог его знает.*) Потом вернулся обратно, поехал и на отца.

А с битвы Илья ехал, лег в чистом поле отдохнуть, за́спал богатырским сном, а коня рядом спустил.
Когда конь богатырский заслышал, конь стал копытами землю бить, Илью будить, чтобы на сонного не
наехал. Всё же добудился, успел Илья уехать в белой шатер. И нагонил Сокольник во белом шатре
и наскочил на отца. Тогда Илья наступил на одну ногу и ро́зорвал его, прикончил, что нахальный сын
его был. (*Больше не знаю, так от стариков слыхал.*)

(Зап. Митрофановой В. В.: 28 июля 1956 г., д. Угольное Нарьян-Марского р-на — от Чупрова Фомы Алексеевича, 56 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.